

Шульга Яна Михайловна

КИЕВСКИЕ ПАЛОМНИКИ XVIII ВЕКА: СОЦИОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В статье рассматривается социоантропологическая характеристика киевских паломников XVIII в. Автор анализирует общественные условия, которые влияли на возможность и процесс осуществления паломничества в Киев. Отдельное внимание обращается на особенности паломничества духовенства, в частности монашества. На основе анализа комплекса архивных источников определяется ряд факторов, влияющих на киевских паломников, которые репрезентировали разные социальные группы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 200-203. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

28. **Тихонов И. Л.** История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII в. – первая четверть XX в.): автореф. дисс. ... д.и.н. СПб., 2013. 40 с.
29. **Федоров-Давыдов Г. А.** Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка // Советская археология. 1970. № 3. С. 258-270.
30. **Форд Дж. А.** Количественный метод установления археологической хронологии // Советская этнография. 1962. № 1. С. 32-43.
31. **Черных Е. Н.** Исследование состава медных и бронзовых изделий методом спектрального анализа // Советская археология. 1963. № 3. С. 145-156.
32. **Binford L. R.** Archaeology as Anthropology // American Antiquity. 1962. Vol. 28. № 2. P. 217-225.
33. **Binford L. R., Binford S. R.** Preliminary Analysis of Functional Variability in the Mousterian of Levallois Facies // American Anthropologist. 1966. Vol. 68. № 2. P. 238-295.
34. **Bordes F.** Essai de Classification des industries «moustériennes» // Bulletin de la Société préhistorique de France. 1953. T. 50. № 7-8. P. 457-466.
35. **Ford J. A.** On the Concept of Types // American Anthropologist. 1954. Vol. 56. № 1. P. 42-57.
36. **Krieger A. D.** The Typological Concept // American Antiquity. 1944. Vol. 9. № 3. P. 271-288.
37. **Montelius G. O. A.** Den förhistoriska fornforskarens metod och material // Antikvarisk Tidskrift för Sverige. 1884. № 3. S. 1-28.
38. **Mortillet G. de.** Le Préhistorique antique de l'homme. Paris, 1883. 642 p.
39. **Phillips Ph., Willey G. R.** Method and Theory in American Archeology: an Operational Basis for Cultural-Historical Integration // American Antiquity. 1953. Vol. 55. № 5. P. 615-633.
40. **Spaulding A. C.** Statistical Techniques for the Discovery of Artifact Types // American Antiquity. 1953. Vol. 18. № 4. P. 305-313.
41. **Strong W. D.** The Uhle Pottery Collections from Ancon // University of California Publications in "American Archaeology and Ethnology". 1925. Vol. 21. № 4. P. 135-190.

**STATISTICAL METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES:
DEVELOPMENT HISTORY (THE END OF THE XIXTH – THE 60S OF THE XXTH CENTURY)**

Shmuratko Dmitrii Vladimirovich, Ph. D. in History
Perm' State Classical-Pedagogical University
dimashmuratko@rambler.ru

The author reveals and analyzes the ways of mathematical statistics methods penetration into archeological science in general and into the archeology of Western Ural in particular, aims to introduce the history of mathematical methods application in the archeology of Western Ural into the context of the global and domestic gnoseological transformations of the end of the XIXth – the 60s of the XXth century, in the end concludes that the Ural archeologists' interest to mathematics is a logical and timely reflection of the all-Russian and global research trends; and mentions that Kama region science is responsive to developments in the country and the world, bringing its invaluable contribution to the universal intellectual heritage.

Key words and phrases: statistical methods in archeology; historiography; methodology of archaeological research; history of archeology.

УДК 94(477-25)“17”(291.37)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается социоантропологическая характеристика киевских паломников XVIII в. Автор анализирует общественные условия, которые влияли на возможность и процесс осуществления паломничества в Киев. Отдельное внимание обращается на особенности паломничества духовенства, в частности монашества. На основе анализа комплекса архивных источников определяется ряд факторов, влияющих на киевских паломников, которые репрезентировали разные социальные группы.

Ключевые слова и фразы: киевское паломничество; богомольцы; монастырские помянники; монашество; киевские святыни.

Шульга Яна Михайловна

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко
shulgalana@gmail.com

**КИЕВСКИЕ ПАЛОМНИКИ XVIII ВЕКА:
СОЦИОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА®**

Киев имеет важное религиозное значение в истории Украины, поскольку отсюда идут истоки христианства на Руси. В. П. Лаврик подчеркивает, что замена традиционных племенных верований на религию, предпочитавшую родству по крови родство «по духу» (единоверие), придала Древней Руси действительное единство [7, с. 105]. К тому же в Киеве находились святыни, которые способствовали формированию

концепта Киева как второго Иерусалима. Поэтому именно в Киев устремляли свои взоры тысячи паломников, для которых неосуществимо была возможность совершить поклонение традиционным святыням Ближнего Востока. Город стал важным локальным центром внутреннего паломничества благодаря, в первую очередь, нетленным мощам угодников Киево-Печерской лавры, мощам Св. великомученицы Варвары, хранящимся в XVIII веке в стенах Михайловского Златоверхого монастыря, Николаевским чудотворным образам и реликвиям Софийского кафедрального монастыря. Эти святыни формировали сакральную топографию города.

Однако история паломничества для большинства исследователей ассоциировалась с изучением мемуаров, дневников и воспоминаний мирских паломников. А. Васильев определил, что особое внимание богомольцев к местным святыням обращается, начиная с XV в. как следствие действий арабов на Ближнем Востоке [1, с. 72-88]. Н. Верещагина объяснила дефиницию «внутреннее паломничество», противопоставляя его зарубежному [2, с. 40-44]. А. Макаров проанализировал жизнь богомольцев в Киеве в XIX в., реконструировав их путь в городе, бытовые условия проживания. Однако киевское паломничество XVIII в. до сих пор не являлось предметом самостоятельного исследования. Цель данного исследования состоит в формировании социоантропологической характеристики киевских паломников в XVIII в. Важно использовать такие источники, как синодики (помянники) киевских монастырей: Киево-Печерского, Пустынно-Николаевского, Софийского, Михайловского Златоверхого, а также материалы церковного и мирского происхождения. Для анализа их стоит применить микроисторический, историко-антропологический и компаративный методы.

Богомольцы посещали Киев круглый год, но преимущественно город наполнялся ими весной, особенно в преддверии пасхальных праздников. Число записанных в книгах Печерской Лавры в различные месяцы приблизительно следующее: в январе и феврале – до 3 000, в марте – до 2 500, в апреле – 15 000, в мае – 35 000, в июне – до 20 000, в августе – 25 000, в сентябре – 8 000, в октябре, ноябре и декабре – 7 000. Среднее число приходящих в год – 130 000 [6, д. 142, л. 1]. Аналогичные цифры называет А. Макаров, подчеркивая, что в 1859 г. только в лаврских гостиницах и приютах находилось около 80 500 человек [8, с. 53]. Народные бедствия, такие как эпидемия или война, несколько уменьшали число людей, голод увеличивал, но процент увеличения или уменьшения был незначителен [6, д. 142, л. 1].

Путь паломников к Киеву зависел от ряда общественно-политических факторов. Учитывая события XVII века, часть территории Украины оказалась под владением соседних государств. Речь идет о Вечном мире 1686 г., согласно которому Правобережная Украина вошла в состав Польши. Поэтому для того, чтобы попасть в Киев, паломнику нужно было пройти форпосты с предъявлением документов, удостоверяющих его личность. Например, в 1761 г. в Киевскую губернскую Канцелярию было подано письменное обращение жителей села Речицы, которых задержали на Добрянском форпосте, с просьбой их отпустить и выдать им паспорт: «З данньмь намь именованньмь оть стоящего форпоста киевского билеты пропущены [мы] въ Киевъ для богомолия, а ныне изъ Киева желаемь иди обратнo за границу чрезъ Добрянский форпостъ до названнаго села Речицы. Того ради мы Киевскую губернскую Канцелярию покорнейше просимь освободити насъ именованньхъ до показаннаго села Речицы чрезъ Добрянский форпостъ пропустити и дать Киевскою губернскою канцелярией пашпортъ» [15, д. 3754, л. 2].

Разрешение поехать на поклонение святыням давали разные учреждения, среди которых была Генеральная Войсковая Канцелярия. К примеру, 10 июня 1751 г. генеральному бунчужному Демьяну Оболенскому было разрешено поехать «...на прощу к чудотворнымъ изображениямь. Пообещать его не останавливать нигде...» [12, д. 10935, л. 1]. В 1755 г. аналогичное разрешение Канцелярией выдано в ответ на письменную просьбу отпустить для богомолья нежинского полковника Петра Разумовского [14, д. 13134, л. 3].

В случае с паломниками-монахами, они должны были получить одобрение настоятеля монастыря на совершение путешествия, после чего им выдавали паспорт с указанием цели и сроков путешествия. Киевский митрополит Рафаил Заборовский в 1746 г. издал приказ игуменам монастырей: «безъ пашпортовъ вашего отпущенства не отпускати, ибо впредь въ епархии вашего преосвященства монахъ или монахиня безъ пашпортовъ вашего преосвященства будутъ въ Киеве или где инде въ епархии моей Киевской пойманы, то онде монахи и монахини яко беглецы отосланы будутъ въ епархию вашего преосвященства на кошть техъ монастырей, съ которыхъ будутъ оные монахи и монахини» [15, д. 65, л. 1]. Как видим, монахи без документов приравнивались к беглецам и подвергались осуждению и наказанию: «Безъ письменнаго свидетельства монахъ пойманъ Варсонуфий...» [Там же, д. 796, л. 1]. Другой пример рассказывает, как в 1758 г. в Нежинскую полковую Канцелярию была отправлена черница Нежинского монастыря Антония, задержанная без паспорта в местечке Глухов, а вскоре – в Столинской сотне Черниговского полка [13, д. 1875, л. 1-3].

После благополучного прихода в Киев, где паломника также могли попросить показать документы, он получал возможность почитать святыни древнего города. Среди паломников были представители разных социальных групп и профессий. Крестьяне совершали богомолье в Киев, но в XVIII в. на такую возможность отрицательно влиял фактор личной феодальной зависимости. Поэтому религиозно «мобильными» были, в первую очередь, крестьяне-казаки и монастырские крестьяне. Популярным паломничество было среди ремесленников: плотников, портных, шапочников и др. Они почитали святыни Софийского, Киево-Печерского монастырей: «родъ Матфея, слюсара з Олишевки» [10, д. 2080, л. 166 об.], «родъ Ивановъ ткачовъ с Рогачина» [Там же, л. 101]. Культ Святого Николая был особо почитаемый среди портных: «родъ Андрея шевца... из Бершади» [5, д. 1789, л. 212]; реликвии же Софии Киевской привлекали к себе богомольцев, занимающихся кузнеческим делом: «род Гавриила, кузнеца» [11, с. 221], «род Григория, коваля Кролевецкого» [Там же, с. 250].

Около 15% киевских богомольцев относились к купечеству, о чем свидетельствуют записи в киевских помянниках. Это объясняется, в первую очередь, особенностями их профессии, которая предусматривала

совершение путешествий, участие в торгах и ярмарках. Купцы почитали все киевские святыни: киево-печерские («род Осаки Иванова, купца з Дону» [9, д. 858, л. 88]), николаевские: («родь Герасима, крамара Козелецкого, 1750 годъ» [5, д. 1789, л. 216 об.], «родь Мини Андреевича Севастианова, купца Воронежскаго, 1762 годъ» [Там же, л. 228]), софийские («род Даниила, купца Калужскаго, 1768» [11, с. 259], «р. Павла Федоровича Чоботарева, купца изъ Херсона» [Там же, с. 262]).

Среди киевских богомольцев XVIII века особо выделялось казачество, для которого религиозные интересы стояли очень высоко. Важно отметить, что для казаков была характерна «религиозная дифференциация», которая проявлялась в посещении определенных киевских монастырей в зависимости от своей социальной группы. Так, святыни Софии Киевской почитались казаческой старшиной: сотниками («род сотника Опошнянского Василя Кириллова» [Там же, с. 207]), полковниками («род полковника Михаила Бороновича Гадыцкого» [Там же, с. 167]), «род Михаила Матлашевича, полковника Стародубского» [Там же, с. 168]), а также судьями, полковыми обозными и осавулами. С другой стороны, киевский Пустынно-Николаевский монастырь был особо почитаемым среди простого «низового» казачества, в отличие от других киевских святынь. Ведь в синодике церкви Рождества Пресвятой Богородицы записано всего лишь четыре таких паломника («род запорожца Тихона» [9, д. 858, л. 64], «род Тимофея, козака запорожскаго» [Там же, л. 67], «род козаков Дмитра Носенка та Василя Рудого» [Там же, л. 75 об.]). Несколько больше подобных записей находится в помяннике церкви Воздвижения Христа и в Софийском синодике. Святой Николай был покровителем низового казачества, поскольку к нему обращались с молитвою во время походов, а также путешествий на воде [4, с. 367]. Именно этот святой считался покровителем странствующих и путешествующих людей.

К числу киевских паломников относилось и духовенство – как белое, так и монашество. Для них в помянниках создавались отдельные разделы, что свидетельствует о наличии традиций их паломничества. Монахи-паломники жертвовали на монастыри в среднем от одного до десяти рублей. Самый большой размер денежного пожертвования, зафиксированный в помяннике Пустынно-Николаевского монастыря, был сделан именно монахом, что свидетельствует об аксиологических воззрениях духовенства XVIII века: «родь честнаго иеромонаха Гавреила Вецовського. Года 1750 дано рублей 300» [5, д. 1789, л. 218]. Из разных местностей приходили также и черницы: «родь инокини Марфы з Москвы» [Там же, л. 83], «родь з Батурина схимницы Памфилии» [Там же, л. 124 об.], «родь инокини Марфы Выговской из Луцка» [Там же, л. 84 об.]. Распространенным был коллективный способ паломничества монахинь, который, с одной стороны, делал путь к Киеву более безопасным, а с другой, – настоятельницы монастырей охотнее давали разрешение выйти из монастыря.

Паломничество белого духовенства было скорее исключительным, чем типичным явлением, что объясняется необходимостью для них развивать собственные церкви и проводить в них еженедельные литургии. Чаше встречаются упоминания о богомолье жен священников с конкретизацией их денежной платы: «родь Харьковской Троецкой попади Наталии. Дано рублей 2. 1743 года» [Там же, л. 203 об.], «родь попаде Анастасии, старици. Року 1748. Дано рубля 1» [Там же, л. 216]. Мотивирующим фактором для богомольцев было индивидуальное отношение к смерти и вера в жизнь после смерти [3, с. 55]. Процесс паломничества способствовал духовному очищению и воспринимался как важное событие, влияющее на жизнь православного человека после смерти.

Таким образом, в XVIII столетии духовные реликвии Киева привлекали паломников из разных сословий и профессий. Прежде чем начать путь к Киеву, им нужно было преодолеть общественно-политические преграды, получив разрешения и письменные свидетельства на совершение паломничества. Паломнические группы имели свои религиозные убеждения, которые раскрывались в дифференциальных аспектах почитания киевских святынь.

Список литературы

1. **Васильев О.** Аскетизм як результат паломницької діяльності в Києво-Печерській лаврі // Духовні традиції в українській культурі. Несторівські студії. К.: Фенікс, 2007.
2. **Верещагіна Н.** Куди брече пілігрим: нотатки з історії паломництва // Людина і світ. 1990. № 4.
3. **Дворников Э. П.** Проблема смерти в древних источниках, истории философской мысли, русской литературе Нового времени: общий обзор // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. 1. С. 54-56.
4. **Еремина Т. С.** Мир русских икон и монастырей: история, предания. М.: Наука, 1998. 598 с.
5. **Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (ИР НБУВ).** Ф. 1. Оп. 1.
6. **ИР НБУВ.** Ф. 71. Оп. 1.
7. **Лаврик В. П.** Церковь и государство: церковная реформа Петра I и ее влияние на становление нового качественного состояния русской государственности в XVIII в. // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20). С. 105-107.
8. **Макаров А.** Київське паломництво // Київська старовина. 2001. № 5. С. 46-58.
9. **Национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник (НКПИКЗ).** Кн. 858.
10. **НКПИКЗ.** Кн. 2080.
11. **Поменник Софії Київської /** упор. та вступна стат. О. Прокоп'юк. К.: Інститут української археографії і джерелознавства, 2004. 264 с.
12. **Центральный государственный исторический архив Украины в городе Киеве (ЦГИАУК).** Ф. 1. Оп. 3.
13. **ЦГИАУК.** Ф. 51. Оп. 1.
14. **ЦГИАУК.** Ф. 51. Оп. 3.
15. **ЦГИАУК.** Ф. 59. Оп. 1.
16. **ЦГИАУК.** Ф. 990. Оп. 1.

**KIEV PILGRIMS OF THE XVIIITH CENTURY:
SOCIAL-ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTIC****Shul'ga Yana Mikhailovna***Taras Shevchenko National University of Kiev
shulgalana@gmail.com*

The author considers the social-anthropological characteristic of Kiev pilgrims of the XVIIIth century, analyzes social conditions that influenced the possibility and implementation of pilgrimage process to Kiev, pays particular attention to the features of clergy pilgrimage, in particular monks, and basing on the analysis of complex archival sources determines a number of factors, which influenced Kiev pilgrims, who represented different social groups.

Key words and phrases: Kiev pilgrimage; pilgrims; monastic death bills; monks; Kiev shrines.

УДК 7

Искусствоведение

Статья посвящена проблеме осмысления творчества итальянских композиторов XIX столетия — Россини, Беллини, Доницетти, открывших новый век бельканто. Само развитие стиля основывалось на взаимодействии композиторского творчества и вокально-исполнительской практики. Россини, Беллини и Доницетти, несмотря на ряд сходных стилистических черт, имеют индивидуальные особенности: первый — мастер орнаментального изложения, второй — кантиленного, третий — декламационного. В связи со всплеском интереса к бельканто в XXI веке необходимо исследовать взаимосвязь вокального письма Россини, Беллини, Доницетти с теоретической и исполнительской традициями первой половины XIX столетия. Современные постановки опер вышеуказанных композиторов требуют от певцов максимально точного прочтения партий. В связи с этим актуальным стало переосмысление стиля в творчестве данных авторов, выявление истинных исполнительских черт.

Ключевые слова и фразы: опера; Россини; Беллини; Доницетти; вокал; ария; виртуоз; стиль бельканто.

Щербинкина Наталья Львовна*Российский университет театрального искусства — ГИТИС
ncantor@mail.ru***БЕЛЬКАНТО В ТВОРЧЕСТВЕ РОССИНИ, БЕЛЛИНИ И ДОНИЦЕТТИ®**

В начале XVIII столетия в оперном искусстве активнейшим образом разрабатывалась колоратурная техника. Это век небывалого расцвета вокального виртуозного пения. Все устремления были направлены на создание масштабности арии, протяженности темы и ее развития. Кантилена, в свою очередь, стала наполнена огромной патетической силой и выразительностью, своего рода прорывом «музыкальной энергии, движения, не связанного с какими-либо внешними источниками» [11, с. 18]. Виртуозные украшения, которые должны были подчеркивать вокальный текст, постепенно освободились от риторических элементов и стали служить музыке.

К 1730-м гг. в неаполитанских операх *seria* окончательно выкристаллизовалась стилистика арий *parlate* (разговорных арий), в которых выразительное произношение слов являлось основным качеством. Впоследствии ее элементы начали проявляться и в других видах арий (например, буффонная скороговорка).

Далее канон оперы *seria*, подвергаясь сильным трансформациям к концу XVIII в., сменился на рубеже 1820-1830-х гг. в Италии новым каноном мелодрамы лирического или героического качества благодаря творчеству композиторов данной эпохи — Россини, Беллини и Доницетти.

Певец, дирижер, пианист Россини (1792-1868 гг.) начал в оперной музыке Италии блестящий XIX век с одной стороны, с другой — завершил историю оперного жанра — оперы *seria*, с третьей — открыл путь для новой народно-героической оперы эпохи романтизма. В 34 года он становится королевским композитором и генеральным инспектором пения в Париже. Автор 37 опер. Основная его сила — в неистощимой изобретательности мелодий: увлекательных, блестящих, виртуозных, а для певцов это еще и возможность показать прекрасное бельканто. Самые известные и лучшие образцы его опер: «Севильский цирюльник» и «Золушка» — вершины жанра оперы *buffa*; «Вильгельм Телль» — героико-патриотическая опера *seria*, в которой Россини, по его же собственным словам, подал слово «свобода» таким образом, чтобы дать понять, насколько он горячо относится к своей родине и «к тем благородным чувствам, которыми она преисполнена» [Цит. по: 9, с. 63].

Композитор не порывал с уже установившимися музыкально-театральными традициями, однако во многом их обновил, тем самым подчеркивая наиболее прогрессивные стороны итальянской оперной эстетики: культуру бельканто, неисчерпаемое мелодическое богатство, народно-жанровую основу, дух жизнерадостности.